

УДК 39:281.93

DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-2-341-351

Родной язык и религиозные практики в приходах Коми края в начале XX века

В. В. Власова

*Институт языка, литературы и истории
Федерального исследовательского центра «Коми научный центр УрО РАН»,
г. Сыктывкар, Российская Федерация,
vv505@hotmail.com*

АННОТАЦИЯ

Введение. В последние десятилетия наблюдается рост интереса рядовых граждан, исследователей и политиков к этнорелигиозной проблематике, особенно в контексте изучения роли религии в культурном самоопределении финно-угорских народов, проживающих в Российской Федерации. Рассматриваются такие вопросы как влияние православной традиции на культуру этих народов, её взаимодействие с традиционными религиозными верованиями и их взаимовлияние; миссионерская и переводческая деятельность православной церкви, её влияние на формирование национальной интеллигенции и литературных языков. Статья посвящена исследованию значения православного богослужения и просвещения на родном языке для рядовых верующих, влиянию языковой среды на особенности формирования локальных религиозных практик у коми-зырян.

Цель: исследование роли коми-зырянского языка в православных религиозных практиках 1900–1930-х гг. на институциональном и индивидуальном уровнях.

Материалы исследования: статья основана на архивных и опубликованных документах духовных ведомств (отчетах Православных Братств и миссионерских обществ, делах Вологодской духовной консистории); используются отчеты 1920-х гг., подготовленные представителями местного ОГПУ для партийных ведомств, а также источники личного происхождения.

Результаты и научная новизна. Анализ опубликованных и архивных источников позволяет сделать вывод об определяющем значении языка как в деятельности приходского духовенства и старообрядческих наставников, так и в религиозной жизни коми-крестьянства. В качестве характерного явления показано движение бурсьылысьяс. При этом впервые рассматривается влияние языка на формирование православных религиозных практик в Коми крае в первой четверти XIX в.

Ключевые слова: родной язык, коми-зыряне, православие, религиозные практики.

Для цитирования: Власова В. В. Родной язык и религиозные практики в приходах Коми края в начале XX века // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 341–351.

Native language and religious practices in parishes of the Komi at the beginning of the XX century

V. V. Vlasova

*Institute of Language, Literature and History,
Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch of the RAS,
Syktyvkar, Russian Federation,
vv505@hotmail.com*

ABSTRACT

Introduction. Over recent decades we can observe an increase of the interest of people, researchers and politicians in the field of ethno-religious problematics, especially in the context of study of religion's role in the cultural identity of Finno-Ugric people living in the Russian Federation. Much attention is paid to such problems as the influence of the Orthodox tradition on the culture of Finno-Ugric people, its interaction with traditional religious beliefs and their mutual influence; missionary and translational activities of the Orthodox Church, its influence on the formation of the national intelligentsia and literary languages. The article is devoted to the study

of the significance of Orthodox worship and education in native languages for ordinary believers, the influence of the language environment on the formation of local religious practices among the Komi-Zyryans.

Objective: to study the role of the Komi-Zyryan language in the Orthodox religious practices during 1900–1930 at institutional and individual levels.

Research materials: the article based on archival and published documents: reports of Orthodox congregations (Brotherhoods) and missionary societies, files from Vologda spiritual consistory; reports prepared by Joint State Political Directorate during 1920s; ego-documents.

Results and novelty of the research. The article considers the influence of the Komi language on the formation of Orthodox religious practices of the first third of the XX century. Analysis of published and archival documents allows us drawing conclusions about the decisive importance of language both for the activities of the parish clergy and old believers' leaders and for the religious life of the Komi peasantry.

Key words: native language, the Komi-Zyryans, Russian Orthodox, religious practices.

For citation: Vlasova V. V. Native language and religious practices in parishes of the Komi at the beginning of the XX century // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2019; 9 (2): 341–351.

Введение

Религиозная жизнь в России тесно связана не только с социально-экономическими, общественно-политическими, но и этническими факторами. В Российской империи конфессиональная принадлежность являлась универсальным атрибутом всех жителей, государственная власть была глубоко вовлечена в дела религии, а Православная Церковь имела статус государственной. Изучение влияния православной церкви на историю и культуру финно-угорских народов России как фактора, определяющего развитие этнорелигиозной ситуации, традиционно привлекает внимание исследователей. Историографии данного вопроса досоветского и советского периодов посвящены специальные работы [12; 13]. В последние десятилетия особое внимание уделяется истории распространения православия и миссионерской деятельности церкви среди народов Поволжья, Приуралья, европейского севера России. Рассматриваются такие вопросы как влияние православия на культуру этих народов, его взаимодействие с традиционными религиозными верованиями и их взаимовлияние [22; 27]. Обращаясь к вопросам «христианского просвещения» нерусских народов в XIX в., исследователи рассматривают систему И. Н. Ильминского, миссионерскую и переводческую деятельности Братства Св. Гурия, их влияние на формирование национальной интеллигенции, литературных языков [22; 25; 26].

Отдельные работы посвящены описанию и анализу организации религиозной жизни в приходах с нерусским православным населением [4; 6; 21; 24]. В то же время значение

православного богослужения и просвещения на родном языке для рядовых верующих, влияние языковой среды на особенности формирования локальных религиозных практик в районах с финно-угорским православным населением остаются малоизученными. Основной целью данной статьи является исследование роли коми-зырянского языка в религиозных практиках 1900–1930-х гг. на институциональном и индивидуальном уровнях.

Материалы и методы

Изучение народной религиозности через призму православных религиозных практик является одним из основных теоретических направлений современных исторических, фольклорно-этнографических и социологических исследований в этой области [20; 29]. Религиозные практики определяются максимально широко – как формы повседневной религиозной деятельности людей, с учётом их социальной принадлежности, религиозного опыта и взаимодействий с религиозными институтами [20, 12; 1, 11]. Одной из главных характерных черт практик является их динамичность: они формируются во взаимно трансформирующихся взаимодействиях между сообществами верующих и религиозными институтами. Последние представляют собой специальные социальные организации и установления, упорядочивающие и поддерживающие стабильность религиозной жизни (Церковь, догматы и т.п.). В то же время в конкретный исторический момент эти институты представляют лишь одну из существующих в обществе форму религиозных практик [20, 68–70].

В основу данного исследования легли документы различных духовных ведомств, как архивные, так и опубликованные. Ценные сведения содержатся в опубликованных ежегодных отчетах Православных Братств и миссионерских обществ, которые вели активную миссионерскую деятельность в зырянских приходах. Информация о местных религиозных движениях содержится в документах Вологодской духовной консистории, а также в отчётах 1920-х гг., подготовленных представителями местного ОГПУ для партийных органов. Особую ценность для нашего исследования представляют рукописные «Дневные записки» крестьянина с. Усть-Кулом И. С. Рассыхаева, хранящиеся в Национальном музее Республики Коми, опубликованные в 2013 г. Это литературно обработанные дневниковые записи, которые он начал вести в 1902 г. в возрасте 24 лет и вёл до марта 1953 г. Будучи глубоко верующим человеком, в жизни которого церковь занимала важное место, на страницах своего дневника И. С. Рассыхаев пишет о своём участии в жизни местной религиозной общины [8, 340].

Выявленные источники определяют хронологические границы нашего исследования 1900–1930-е годы. Верхняя граница исследования обусловлена тем фактом, что до начала 1930-х гг., несмотря на значительные трудности, приходская сеть Коми края продолжала функционировать [7].

Результаты исследования Этнический и конфессиональный состав населения Коми края

Согласно данным переписи 1897 г. 92,32% населения Усть-Сысольского и 70,3% Яренского уездов считали родным языком коми. Подавляющее большинство зырян принадлежало крестьянскому сословию. Конфессиональный состав населения края также был однородным: 97–99% населения Коми края были православными, 0,6–2% – старообрядцами [7, 97–98].

По данным Всесоюзной всеобщей переписи населения 1926 г. коми-зыряне составляли 86,9%, в 1937 г. – 87,7% населения Коми края [15, 158–160]. Официальной статистики о кон-

фессиональном составе населения и численности верующих в 1920–1930-е гг. нет. Данные этносоциологических опросов, проведённых в разных районах Коми АССР в 1964–1965 гг., свидетельствуют о том, что, несмотря на антирелигиозную политику государства, уровень религиозности населения оставался высоким. В обследованных районах в 1917–1920 гг. 94% вступивших в брак венчались в церкви, в 1920–1925 гг. – 82%, 1930 – 62% [10, 273].

В настоящее время статистических сведений об уровне владения коми населения русским языком в начале XX в. нет. Записки чиновников, исследователей, путешественников, побывавших в Коми крае, позволяют составить некоторое представление об этом вопросе. Например, С. В. Мартынов, посетивший в 1903 г. населённые пункты по р. Ижме писал, что среди зырян всегда можно найти людей, которые могут «так или иначе объясняться, а многие совершенно свободно говорят по-русски». Он особо отметил, что это относится лишь к мужчинам, тогда как женщины по-русски не говорят; русские, приехавшие в ижемские деревни, говорят по-коми, а их дети почти не знают русского языка [14, 20–22]. В документах 1920-х гг. периодически упоминается о сложностях, которые возникают в связи с плохим знанием населением русского языка. В частности, «зыряне, мало знающие русский язык» были недовольны командирами в ходе сборов допризывников; местные партийные деятели указывали на необходимость переводить документы, которые отправляются в волости, чтобы «масса понимала правильно распоряжения советской власти», поскольку 99% женщин и свыше 50% мужчин, проживающих в деревнях, не понимают по-русски¹.

Особое значение в деле языкового просвещения имело образование. В 1897 г. в Яренском и Усть-Сысольском уездах число грамотных (тех, кто умел читать) оставляло 15,9%, в 1917 г. эта цифра увеличилась до 27%. Исследователи отмечают, что в начальной школе практически повсеместно в первый год обучение велось на зырянском языке, поскольку дети не понимали русского; в дальнейшем крестьяне, обучавшиеся в школе, хорошо

¹ Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. П – 1. Оп. 2. Д. 430. Л. 54. Оп. 1. Д. 36. Л. 110, 112 об.

понимали по-русски [3, 137–138]. В 1926 г. грамотных, то есть тех, кто мог прочесть печатные слова по слогам, было 39,8%. В ходе переписи 1926 г. учитывались «грамотные на коми и языке своей народности» «грамотные на русском, коми и языке своей народности» и «грамотные только на русском языке». В первые две категории вошли 55 % от общего числа грамотных, в последнюю – 35,5% [23, 194].

Религиозные институты: богослужение и катехизация на родном языке

В традиционных крестьянских обществах, к которым относилась коми деревня начала XX века, проповедь и беседы на родном языке являлись одним из важных средств приобщения к вере. Звучащее слово было не только самым эффективным средством катехизации, но и единственно доступным для значительной части населения зырянских приходов. Со второй половины XIX в. епархиальное начальство призывает приходских священников вести внебогослужебные собеседования на родном языке, более осторожно относясь к его использованию при богослужениях и церковных проповедях [6, 190].

В начале XX века происходит дальнейшее развитие проповеднической деятельности приходского духовенства, что во многом было обусловлено социально-культурными и политическими изменениями. Во-первых, этот период характеризуется распространением грамотности и развитием культуры чтения среди российского крестьянства [30, 18], о чём свидетельствуют и данные по Коми краю. Во-вторых, за два первые десятилетия XX в. происходят значительные изменения церковно-государственной политики: религиозная реформа 1905 г., отделение церкви от государства 1918 г.

Согласно отчётам Православных Братств, ежегодно публиковавшимся на страницах «Вологодских епархиальных ведомостей», в 1900–1917 гг. во многих сельских церквях Коми края сохранялась и расширялась практика внебогослужебных собеседований на коми языке. В ходе бесед приходские священники объясняли Евангелие, рассказывали об истории праздников, житии святых, объясняли таинства и обряды Церкви, а также читали переведённые на зырянский язык нравоучительные статьи. Отмечалось, что местные крестьяне с особой

охотой посещают беседы, которые велись на коми языке, поскольку «в этом случае всё становится понятным и доступным даже для женщин, которые почти повсеместно среди зырянского населения совсем не понимают русской речи» [18, 51–58].

После принятия Манифеста 1905 г., изменившего положение инославных и христианских конфессий в России, перед священниками, служащими в приходах, расположенных на Удоре (среднее течение р. Вашки), верхней Вычегде и верхней Печоре, остро встает проблема «противораскольнической деятельности». Благодаря Манифесту, даровавшему свободу вероисповедания, старообрядческие наставники получили возможность открыто вести проповедническую деятельность [19, 289–290]. Практически все печорские, удорские и верхневычегодские наставники являлись выходцами из коми крестьянской среды. Знание наставником церковнославянского языка, умение читать и толковать Писание являлись важнейшими требованиями, предъявляемыми к нему верующими, поскольку его деятельность осуществлялась в культурно-языковой среде, где было необходимо не только читать текст, но и переводить наиболее важные места на коми язык, разъяснять основы вероучения в доступной форме. Стоит отметить, что в старообрядческой среде сфера применения коми языка была ограничена повседневным общением, а языком богослужения и молитвы оставался церковнославянский [5, 63–64].

Как и в других регионах с нерусским населением [21, 276], в Коми крае староверы были весьма успешны в распространении своих взглядов среди местных крестьян. Миссионеры отмечали, что старообрядческие наставники и рядовые верующие «не избегали бесед с мирянами, в надежде увлечь их в свою веру». В тех приходах, где староверие существовало давно и имело значительное число сторонников, его влияние на религиозную жизнь сельских обществ оказывалось определяющим. «Православные, за редким исключением, почти все умеют ответить лишь то, что по этому поводу говорят раскольники. Необыкновенная редкость в таком приходе человек, крестящийся троеперстно, все двуперстники, даже самые усердные и преданные церкви прихожане. У многих в употреблении староверские лестовки,

подручники, старообрядческие псалтыри и другие книги. Многие православные ходят смотреть и слушать раскольническое богослужение, и не всегда из одного любопытства, а не редко из сочувствия к нему. Есть приходы, в которых влияние раскола так велико, что, по словам приходских священников, ни о ком из числящихся православными нельзя с уверенностью сказать, что не пойдет в раскол» [17, 20–22]. В своей деятельности старообрядческие проповедники использовали и книжные иллюстрации, что было особенно актуально в среде малограмотного крестьянства. «Раскольники пользуются книгами искусно <...> Сначала покажут <...> картинку двухперстного сложения, против которой есть текст из «Стоглавника», «Кто аще не крестится двумя перстами» и пр.» [16, 349]. В этих приходах знание духовенством коми языка было необходимым условием успешной службы, тогда как незнание языка и применение репрессивных мер настраивали прихожан против священника и церкви [2, 159]. Таким образом, в сёлах, где совместно проживали староверы и официально православные, среди верующих широкое распространение получали предметы религиозного обихода староверов; более того основы православного вероучения большинству были известны именно в «старообрядческой редакции». Подобная ситуация сложилась поскольку разъяснения старообрядческих наставников были более понятны и близки местному коми населению.

В начале 1920-х гг., когда Коми АО становится районом административной ссылки, деятельность ссыльного православного духовенства (в частности, службы на квартирах верующих) вызывала опасения партийного руководства. Решение проблемы власти видели в высылке ссыльных священников в «наиболее глухие места, где они окажутся совершенно изолированными в силу незнания языка. Наиболее подходящими считать районы со старообрядческим населением»¹.

Несмотря на отсутствие официальной информации, можно утверждать, что чтение проповедей и беседы практиковались приходским духовенством до начал 1930-х гг. Косвенным

доказательством могут служить упоминания о проповедях того или иного священника в отчетах ОГПУ, правда, в связи с тем, что в ходе проповеди были зафиксированы «антисоветские высказывания»². Пытаясь привлечь людей к церкви, священнослужители предпринимали попытки ввести в церковную практику богослужения на коми языке. Упоминание об этом содержится в записях усть-куломского крестьянина И. С. Рассыхаева. «В конце 1928 г. <...> священник о. Иоанн начинал было устанавливать литургии на зырянском языке, причём несколько раз в январе пели на литургии некоторые песнопения по-зырянски, под моим руководством. В один раз литургию служили полностью по-зырянски и священник, и диакон, и клиросе, и я читал шестопсалмие по-зырянски». Он отмечает, что богослужения на коми языке, понятном местным жителям, привлекали верующих в церковь, что вызвало недовольство властей, и местный священник «пение по-зырянски отложил» [11, 389]. Вероятно, инициатива батюшки вызвала негативную реакцию властей не только из-за притока верующих в церковь, но и потому, что богослужение на коми языке могло восприниматься как попытка представителя церкви действовать в рамках проводимой советскими властями политики зырянизации.

Рецепция православия в крестьянской среде

На протяжении XIX в. приходское духовенство регулярно жаловалось на незнание прихожанами догматов веры и слепую приверженность обряду, на пренебрежение религиозными правилами, связывая это с невежеством и малограмотностью крестьян. Увеличение числа грамотных в начале XX в. привело не только к ожидаемому более строгому следованию церковному правилу и глубокому пониманию основ православного вероучения, но и к самостоятельной активности набожных крестьян в вопросах чтения и осмысления религиозной литературы [28, 28]. Различные варианты реализации на практике индивидуального религиозного опыта, основанного на изучении и переводе на родной язык религиозных текстов,

¹ НАРК. П-1. Оп. 1. Д.36. Л.39.

² НАРК. П-1. Оп. 2. Д. 430. Л. 77; Д. 431. Л. 32, 60; Д. 606. Л. 109; Д. 760. Л. 82.

представляют истории двух крестьян Усть-Куломской волости (верхняя Вычегда): Ивана Степановича Рассыхаева из с. Усть-Кулом и Степана Артемьевича Ермолина из с. Мыёлдино.

И. С. Рассыхаев окончил Усть-Куломское начальное училище, где получил общие навыки чтения и письма, позже активно занимался самообразованием. В своём дневнике он пишет, что помимо художественной и учебной литературы, его всегда «занимали книги религиозного содержания и церковных богослужений, так как я любил ходить в церковь и петь на клиросе» [11, 535–354]. Иван Степанович создал рукописную библиотеку энциклопедического характера на коми и русском языках. В течение всей жизни он собирал духовную литературу, создавал рукописные сборники, в которых переписывал, а иногда и переводил на коми, литургические тексты, жития, святоотеческие сочинения [8, 339]. Известно, что одну из переписанных им книг, «Описание Устькуломской Петропавловской церкви», взяла его тётка, отправившаяся в монастырь в Костромской губернии. В библиотеке самого И. С. Рассыхаева было несколько книг, доставшихся ему в наследство или подаренных родственниками и односельчанами [11, 354–362]. Вопрос о том, имели ли его рукописи читателей из числа жителей Усть-Кулома, остаётся открытым, поскольку дневник не содержит подобных упоминаний.

И. С. Рассыхаев регулярно посещал службы, исповедовался и причащался, пел на клиросе. В 1920-е годы он активно помогал священнику в организации богослужения на коми языке: переписывал песнопения на зырянском языке, руководил церковным хором. Несмотря на рост «безбожного движения» и значительные трудности, с которыми он сталкивался с приходом советской власти («меня зачислили в кулаки <...> за то, что я был человек религиозный»), вплоть до закрытия церкви в селе Иван Степанович принимает деятельное участие в жизни местной религиозной общины [11, 370–393].

Иначе развивалась история другого грамотного крестьянина Степана (Стефана) Артемьевича Ермолина. Дата его рождения неизвестна, как нет и сведений о том, какое образование

он получил. Известно, что некоторое время он переводил слова священника Мыёлдинской церкви и по его поручению читал различные поучения [9, 508]. Приблизительно в 1900–1901 г. С. Ермолин начинает устраивать в с. Мыёлдино «церковные собрания на зырянском языке». Спустя два года такие беседы проводил не только он сам, но и его «ученик» Ефим Егорович Паршуков, который окончил курс церковно-приходской школы, был послушником Ульяновского монастыря, позже – наёмным учителем в дер. Колва. В 1904 г. беседы на коми языке под руководством Степана проходят не только с. Мыёлдино, но и в других сёлах волости¹. В 1912 г. число «учеников» Степана увеличилось, например, в Пожегодском приходе беседы начал проводить крестьянин Н. Чисталев [9, 504].

«Духовные беседы», *бур кылзем*, проходили в домах зажиточных крестьян. Днём верующие читали Псалтирь, а по вечерам собирались «для духовных песнопений». Как отмечал священник Усть-Немской церкви А. Сапожников, «как псалтирь, так равно и пение произвольно им самим (Е. Паршуковым – В.В.) переводится на зырянский язык, а также даётся произвольное толкование <...> Напев всех духовных пений не установленный церковью, а на манер свадебных. В содержание их входят слова частью из духовных песнопений, а остальные представляют из себя бессодержательный и бессмысленный набор слов»².

В 1904 г. у С. Ермолина были изъяты и представлены в консисторию церковные служебники, книги духовно-нравственного содержания и тетради с выписками самого Степана. Епархиальный миссионер Н. Следников и преподаватель духовной семинарии К. Богословский внимательно изучив их пришли к выводу, что «тетради представляют выдержки из творений Св. Отцов и различных сочинений православных архипастырей и показывают достойный удивления труд лиц, прочитавших множество духовно-нравственных книг, из которых сделаны выписки мест, поразивших сердце читателя». Фрагменты тетрадей, сохранившиеся в архиве консистории, содержат карандашные выписки на русском языке³. В 1912 г. миссионер

¹ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 496. Оп. 1. Д. 18472. Л. 3, 22

² ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18472. Л. 4.

³ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18472. Л. 22.

видел у крестьянина дер. Большелуг рукописные тетради со стихами С. Ермолина [9, 559], что позволяет предположить, что подобные тетради с переводами религиозных песнопений на коми язык, получившие распространение среди местных крестьян, способствовали распространению учения бурсьылысь (букв. певцы добра).

Миссионеры и приходские священники были весьма недовольны деятельностью крестьянских проповедников, указывали, что «мирянин не имеет права учить и проповедовать», предупреждали о возможном церковном суде и наказании вплоть до отлучения от церкви. В то же время они отмечали, что «нельзя пока указать каких-либо явных заблуждений в учении и явного противления или разделения от церкви» [9, 507]. Несмотря на то, что со временем важной частью религиозной практики бурсьылысь стали элементы мистицизма, для многих верующих ключевым оставались именно толкования религиозных текстов и песнопения на коми языке. По-мнению одного из последователей Степан обладал особой благодатью постольку, поскольку «учит так же, как и в церкви учат, и имеет способность переводить на зырянский язык» [9, 505]. В беседах со священниками верующие говорили, что они готовы отказаться от бесед, проводимых Степаном, но хотели бы, чтобы в деревнях, находящихся далеко от церкви, священник «благословлял читать и переводить данные им книги или листки без всяких своих толкований» [9, 511].

Несмотря на довольно сложные взаимоотношения между священниками и бурсьылысьяс, последние оставались прихожанами приходских церквей. В 1920-е годы, по сведениям ОГПУ, число последователей этого учения в Мыёлдинской волости составляло 70%, причём, в их число входила значительная часть молодёжи. Советские власти характеризовали это движение как сектантское, делая основной упор на мистических практиках¹. При этом в отчётах ОГПУ отмечалось, что на своих собраниях бурсьылысь возмущались закрытием церквей, изъятием церковных ценностей, арестами священнослужителей и ростом анти-

религиозной кампании². Более того, именно они были активными противниками закрытия церквей, решаясь на прямое противодействие властям³

Обсуждение и заключение

Нельзя не согласиться с утверждением П. Верта, что православные практики нерусских народов России по существу являлись вариациями практик русского православия [31, 240]. Вместе с тем в каждом конкретном регионе они имели свои особенности, обусловленные историческими, географическими, политическими, этническими и социально-экономическими факторами. В первой трети XX века этнический и конфессиональный состав Коми края был однородным: порядка 90% населения составляли коми-зыряне, исповедовавшие православие. Коми язык активно использовался сельским духовенством в катехизаторской деятельности, а в некоторых приходах и в богослужебной практике. Знание языка, умение вести беседы и доступно излагать основы вероучения приобретали особое значение в тех районах, где активную проповедническую деятельность вели староверы. Старообрядческие наставники зачастую были более успешны в распространении своих идей именно благодаря тому, что являясь выходцами из местной крестьянской среды, могли доступно разъяснить основы вероучения на родном языке верующих.

В начале XX в. увеличение числа грамотных среди коми крестьян привело к распространению практики переписывания и перевода религиозных текстов на коми язык. С одной стороны, она выражалась в чтении, создании рукописных копий, переводе текстов религиозно-нравственного содержания на коми язык отдельными набожными крестьянами, как для личного пользования, так и для помощи священнику в организации служб. С другой стороны, она привела к появлению переводчиков и толкователей религиозных текстов из крестьянской среды, деятельность которых вызывала недовольство клира. Ярким примером является

¹ НАРК. П-1. Оп. 2. Д. 430. Л. 29; Д. 475. Л. 5.

² НАРК. П-1. Оп. 2. Д. 431. Л. 15.

³ НАРК. П-1. Оп. 2. Д. 804. Л. 24.

сформировавшееся в начале XX в. на верхней Вычегде религиозное течение бурсылысыя, основой которого была практика перевода и толкования религиозных текстов на коми языке во время молений, проходивших в частных домах.

Таким образом, языковая специфика зырянских приходов во многом определяла местные религиозные практики, как на институциональном, так и на индивидуальном уровнях.

Список источников и литературы

1. Агаджанян А., Русселе К. Как и зачем изучать современные религиозные практики? // Религиозные практики в современной России. М.: Новое издательство, 2006. С. 11–32.
2. Бартенев П. Воспоминания о моей жизни в Печорском краю Усть-Сысольского уезда // Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. 1915. № 6. С. 155–160.
3. Бондаренко О. Е., Вайровская С. М. Начальная школа // История Коми с древнейших времён до современности. В 2 т. / Под ред. И. Л. Жеребцова, А. А. Попова, А. Ф. Сметанина. Сыктывкар: Анбур, 2011. Т. 2. С. 134–138.
4. Васина С. М. Приходское духовенство Марийского края в XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 2003. 361 с.
5. Власова В. В. Старообрядческие группы коми: конфессиональные особенности социальной и обрядовой жизни. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2010. 172 с.
6. Власова В. В. Христианское просвещение в зырянских приходах Вологодской епархии: беседа и церковная проповедь на родном языке // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 183–195.
7. Власова В. В. Изменение религиозной ситуации в сельских районах Республики Коми в XX веке (советский и постсоветский периоды) // Эволюция культурной среды в субарктической зоне европейского Севера и Западной Сибири: культурные традиции, система жизнеобеспечения, социальные связи / Отв. ред. О. И. Уляшев. Сыктывкар: Ин-т ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. С. 96–117. (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 76).
8. Волкова Т. Ф., Филиппова В. В. «Дневные записки» Усть-куломского крестьянина И. С. Рассыхаева (1902 – 1953 годы). Предисловие к публикации // Памятники письменности в хранилищах Республики Коми. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2013. Часть I. Вып. 2. С. 336–351.
9. Вологжанин. Новый «братец» Стефан Вологодский (материалы для истории новейшего мистического сектантства) // Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. 1912. № 19, С. 477–483; № 20, С. 504–512; № 21, С. 513–556; № 22, С. 557–561.
10. Гагарин Ю. В. История религии и атеизма народа коми. М.: Наука. 1978. 325 с.
11. Дневные записки Ивана Степанова Разсыхаева // Памятники письменности в хранилищах Республики Коми. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2013. Часть I, Вып. 2: С. 352–415.
12. Зайцев А. В. Христианизация нерусских народов Среднего Поволжья в отечественной историографии (вторая половина XIX-начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. 29 с.
13. Крестьянинов А. В. Отечественная историография имперской религиозной политики по отношению к нерусским народам Среднего Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2015. 23 с.
14. Мартынов С. В. Печорский край. Очерки природы и быта. Население, культура, промышленность. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1905. 276 с.
15. Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чём рассказывают переписи) / В. Я. Сквозников, И. Л. Жеребцов, В. В. Фаузер, Н. П. Безносова. Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 2001. 175 с.
16. Неофит. С далекой Печоры (весточка от пастыря) // Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. 1912. № 14. С. 348–351.
17. Одиннадцатое годичное собрание членов Вологодского Православного Братства во имя Всемилолюбиваго Спаса. Отчёт о деятельности Братства за 11 год существования. Вологда: Тип. Вологодского Губернского Правления, 1897. 29 с.
18. Отчёт о деятельности Великоустюжского Православного Стефано-Прокопиевского Братства за 1902 – 1903 год, седьмой год существования Братства (с 26 апреля 1902 года по 26 апреля 1903 года) // Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. 1904. № 9. С. 49–64.
19. Отчёт о деятельности Великоустюжского Православного Стефано-Прокопиевского Братства за 1905 – 1906 год – десятый год существования Братства (с 26 апреля 1905 года по 26 апреля 1906 года) // Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. 1907. № 13. С. 283–291.

20. Панченко А. А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2003. 541 с.
21. Пулькин М. В. Православный приход и власть в середине XVIII в. – начале XX в. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. 422 с.
22. Таймасов Л. А. Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 524 с.
23. Таскаев А. М. Уровень грамотности населения Коми Автономной области по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. // Историко-культурные аспекты изучения северных территорий России (исследования, источники, историография). Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2017. С. 185–195.
24. Хайдуров М. В. Русская Церковь в «инородческом» крае: некоторые особенности служения православного духовенства в Коми крае в XIX – начале XX века // Национальные отношения на Европейском Северо-Востоке: история и современность (социально-экономические, политические и культурные аспекты). Сыктывкар: ИЯЛИ, 2009. С.92–98. (Труды института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 66).
25. Федюнева Г. В. Письменность и становление коми литературной традиции (XIX – XX вв.) // Арт = Лад. 2009. № 4. С. 4–18.
26. Феоктистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. Саранск: Мордов. книж. изд-во, 2008. 392 с.
27. Якушина Н. Н. Влияние православной культуры на систему жизнеобеспечения мордвы (середина XVIII – начало XXI вв.): дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2014. 204 с.
28. Engelstein L. Old and New, High and Low: Straw Horsemen of Russian Orthodoxy // *Orthodox Russia: belief and practice under the tsars* / Ed. by Valerie A. Kivelson and Robert H. Greene. Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 2003. Pp. 23–58.
29. *Orthodox Russia: belief and practice under the tsars* / Ed. by Valerie A. Kivelson and Robert H. Greene. Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 2003. 291 p.
30. Young G. Power and the Sacred in Revolutionary Russia: Religious Activists in the Village. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1997. 307 p.
31. Werth P. W. Orthodoxy as Ascription (and beyond)/ Religious identity on the Edges Of the Orthodox Community, 1740 – 1917 // *Orthodox Russia: belief and practice under the tsars* / Ed. by Valerie A. Kivelson and Robert H. Greene. Pennsylvania: The Pennsylvania State University, 2003. Pp. 239–251.

References

1. Agadzhanyan A., Russele K. *Kak i zachem izuchat' sovremennye religioznye praktiki?* [How and why study modern religious practices?]. *Religioznye praktiki v sovremennoj Rossii* [Religious practices in present-day Russia]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2006, pp. 11–32. (In Russian)
2. Bartenev P. *Vospominaniya o moej zhizni v Pechorskoy kraju Ust'-Syl'skogo uezda* [Memories about my life in the Pechora region of Ust-Sysolsk District]. *Pribavleniya k Vologodskim eparhial'nym vedomostjam* [Supplements to the Vologda diocesan news], 1915, no. 6, pp. 155–160. (In Russian)
3. Bondarenko O. E., Vayrovskaya S. M. *Nachal'naja shkola* [Primary school]. *Istorija Komi s drevnejshih vremen do sovremennosti. V 2 t.* [History of the Komi: from the ancient times to our days. In 2 vol.]. Syktyvkar: Anbur Publ., 2011. Vol. 2. pp. 134–138. (In Russian)
4. Vasina S. M. *Prihodskoe duhovenstvo Marijskogo kraja v XIX – nachale XX vv.* [Parish clergy of the Mari region in the XIX – early XX centuries]. Yoshkar-Ola, 2003. 361 p. (In Russian)
5. Vlasova V. V. *Staroobryadcheskie gruppy komi: konfessional'nye osobennosti social'noj i obrjadovoj zhizni* [Old believers groups of the Komi: confessional features of social and ritual life]. Syktyvkar: KNC UrO RAN Publ., 2010. 172 p. (In Russian)
6. Vlasova V. V. *Hristianskoe prosveshhenie v zyrjanskij prihodah Vologodskoj eparhii: beseda i cerkovnaja propoved' na rodnom jazyke* [Christian Education in Zyrian parishes of the Vologda Eparchy: conversation and Church homily in the native language]. *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2017, no. 1, pp. 183–195. (In Russian)
7. Vlasova V. V. *Izmenenie religioznoj situacii v sel'skih rajonah Respubliki Komi v XX veke (sovetskij i postsovetskij periody)* [Change of the religious situation in rural districts of the Komi Republic in the XX century (Soviet and post-Soviet periods)]. *Jevoljucija kul'turnoj sredy v subarkticheskoj zone evropejskogo Severa i Zapadnoj Sibiri: kul'turnye tradicii, sistema zhizneobespechenija, social'nye svyazi* [Evolution of the cultural

environment in the subarctic zone of the European North and Western Siberia: cultural traditions, life support system, social connections]. Syktyvkar: In-t YaLI Komi NZ UrO PAN Publ., 2018. pp. 96–117. (In Russian)

8. Volkova T. F., Filippova V. V. «Dnevnye zapiski» Ust'-kulomskogo krest'janina I. S. Rassyhaeva (1902–1953 gody). *Predislovie k publikacii* [«Day Notes» of Ust-Kulom peasant I. S. Rassykhaev (1902–1953). Preface to publication]. *Pamjatniki pis'mennosti v hranilishhah Respubliki Komi* [Monuments of the written language in the repositories of the Komi Republic]. Syktyvkar: Komi respublikanskaja tipografija Publ., 2013. Part I, vol. 2. pp. 336–351. (In Russian)

9. Vologzhanin Novyj «bratec» Stefan Vologodskij (materialy dlja istorii novejshego misticheskogo sektantstva) [New «brother» Stefan of Vologda (materials for the history of the newest mystical sectarianism)]. *Pribavleniya k Vologodskim eparhial'nym vedomostjam* [Supplements to the Vologda diocesan news], 1912, no. 19, pp. 477–483; no. 20, pp. 504–512; no. 21, pp. 513–556; no. 22, pp. 557–561. (In Russian)

10. Gagarin Yu. V. *Istorija religii i ateizma naroda komi* [History of religion and atheism of the Komi people]. Moscow: Nauka Publ., 1978. 325 p. (In Russian)

11. *Dnevnye zapiski Ivana Stepanova Razsyhaeva* [Day notes by Ivan Stepanov Rassykhayev]. *Pamjatniki pis'mennosti v hranilishhah Respubliki Komi* [Monuments of the written language in the repositories of the Komi Republic]. Syktyvkar: Komi respublikanskaja tipografija Publ., 2013. Part I, vol. 2. pp. 352–415. (In Russian)

12. Zaytsev A. V. *Hristianizacija nerusskih narodov Srednego Povolzh'ja v otechestvennoj istoriografii (vtoraja polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Christianization of non-Russian people of the Middle Volga region in Russian historiography (the second half of the XIX – early XX centuries)]. Kazan, 2008. 29 p. (In Russian)

13. Krestyaninov A. V. *Otechestvennaja istoriografija imperskoj religioznoj politiki po otnosheniju k nerusskim narodam Srednego Povolzh'ja* [Russian historiography of the imperial religious policy towards the non-Russian people of the Middle Volga]. Kazan, 2015. 23 p. (In Russian)

14. Martynov S. V. *Pechorskij kraj. Oчерki prirody i byta. Naselenie, kul'tura, promyshlennost'* [Pechora region. Essays of nature and life. Population, culture, industry]. Saint-Petersburg: Tipografija M. M. Stasjulevicha Publ., 1905. 276 p.

15. *Naselenie Respubliki Komi: proshloe, nastojashhee, budushhee (o chem rasskazyvajut perepisi)* [Population of the Komi Republic: past, present, future (what the census tells about)]. Skvoznikov V. Ya., Zherebtsov I. L., Fauzer V. V., Beznosova N. P. Syktyvkar: Goskomstat Respubliki Komi Publ., 2001. 175 p. (In Russian)

16. Neofit S *dalekoj Pechory (vestochka ot pastyrja)* [From far-off Pechora (news from the shepherd)]. *Pribavleniya k Vologodskim eparhial'nym vedomostjam* [Supplements to the Vologda diocesan news], 1912, no. 4. pp. 348–351. (In Russian)

17. *Odinnadcatoe godichnoe sobranie chlenov Vologodskogo Pravoslavnogo Bratstva vo imja Vsemilostivago Spasa. Otchet o dejatel'nosti Bratstva za 11 god sushhestvovanija* [The eleventh annual meeting of the members of the Vologda Orthodox Brotherhood in the name of the All-mercy Savior. Report about the activity of the Brotherhood for the 11 year of its existence]. Vologda: Tip. Vologodskogo Gubernskogo Pravleniya Publ., 1897. 29 p. (In Russian)

18. *Отчет о деятельности Великостужезского Православного Стефано-Прокопиевского Братства за 1902–1903 год, седьмой год существования Братства (с 26 апреля 1902 года по 26 апреля 1903 года)* [Report about the activity of the Veliky Ustyug Orthodox Brotherhood of Stefan and Prokopy for 1902–1903, the seventh year of the Brotherhood (from April 26, 1902 to April 26, 1903)]. *Pribavleniya k Vologodskim eparhial'nym vedomostjam* [Supplements to the Vologda diocesan news], 1904, no. 9, pp. 49–64. (In Russian)

19. *Отчет о деятельности Великостужезского Православного Стефано-Прокопиевского Братства за 1905–1906 год – десятый год существования Братства (с 26 апреля 1905 года по 26 апреля 1906 года)* [Report about the activity of the Veliky Ustyug Orthodox Brotherhood of Stefan and Prokopy for 1905–1906 – the tenth year of the Brotherhood (from April 26, 1905 to April 26, 1906)]. *Pribavleniya k Vologodskim eparhial'nym vedomostjam* [Supplements to the Vologda diocesan news], 1907, no. 13, pp. 283–291. (In Russian)

20. Panchenko A. A. *Hristovshhina i skopchestvo: Fol'klor i tradicionnaja kul'tura russkih misticheskikh sekt* [Khristovschina («the Christ's faith», «the sect of Khlysty») and Scopchestvo («the Castrates»): Folklore and traditional culture of Russian mystical sects]. Moscow: OGI Publ., 2003. 541 p. (In Russian)

21. Pulkin M. V. *Pravoslavnyj prihod i vlast' v seredine XVIII v. – nachale XX v.* [Orthodox parish and power in the middle of the XVIII century – early XX century]. Petrozavodsk: Karel'skij nauchnyj centr RAN Publ., 2009. 422 p. (In Russian)

22. Taymasov L. A. *Pravoslavnaja cerkov' i hristianskoe prosveshhenie narodov Srednego Povolzh'ja vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [The Orthodox Church and the Christian enlightenment of the people of the Middle Volga region in the second half of the XIX – early XX century]. Cheboksary: Izd-vo Chuvash. un-ta Publ., 2004. 524 p. (In Russian)

23. Taskaev A. M. *Uroven' gramotnosti naselenija Komi Avtonomnoj oblasti po dannym Vsesojuznoj perepisi naselenija 1926 g.* [The literacy rate of the Komi Autonomous Oblast population according to the All-Union Census of 1926]. *Istoriko-kul'turnye aspekty izuchenija severnyh territorij Rossii (issledovanija, istochniki, istoriografija)* [Historical and cultural aspects of the study of the Northern territories of Russia (researches, sources, historiography)]. Syktyvkar: GOU VO KRAGSiU Publ., 2017. pp. 185–195. (In Russian)
24. Khaydurov M. V. *Russkaja Cerkov' v «inorodcheskom» krae: nekotorye osobennosti sluzhenija pravoslavnogo duhovenstva v Komi krae v XIX – nachale XX veka* [The Russian Church in the «allogeneous» region (region with non-Russian population): some features of the ministry of the Orthodox clergy in the Komi region in the XIX – early XX century]. *Nacional'nye otnoshenija na Evropejskom Severo-Vostoke: istorija i sovremennost' (social'no-jekonomicheskie, politicheskie i kul'turnye aspekty)* [National relations in the European Northeast: history and modernity (socio-economic, political and cultural aspects.)]. Syktyvkar: IJaLI Publ., 2009. pp. 92–98. (In Russian)
25. Fedjuneva G. V. *Pis'mennost' i stanovlenie komi literaturnoj tradicii (XIX–XX vv.)* [Writing language and the formation of the Komi literary tradition (XIX – XX centuries.)]. *Art-Lad* [Art-Lad], 2009, no. 4, pp. 4–18. (In Russian)
26. Feoktistov A. P. *Očerki po istorii formirovanija mordovskih pis'menno-literaturnyh jazykov* [Essays on history of the formation of the Mordovian written and literary languages]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 2008. 392 p. (In Russian)
27. Yakushina N. N. *Vlijanie pravoslavnoj kul'tury na sistemu zhizneobespečenija mordvy (seredina XVIII – nachalo XXI vv.)* [The influence of Orthodox culture on the life support system of the Mordovians (middle XVIII – early XXI centuries.)]. Saransk, 2014. 204 p. (In Russian)
28. Engelstein L. *Old and New, High and Low: Straw Horsemen of Russian Orthodoxy*. Orthodox Russia: belief and practice under the tsars. Ed. by Valerie A. Kivelson and Robert H. Greene. Pennsylvania: The Pennsylvania State University, 2003. pp. 23–58. (In English)
29. *Orthodox Russia: belief and practice under the tsars*. Ed. by Valerie A. Kivelson and Robert H. Greene. Pennsylvania: The Pennsylvania State University, 2003. 291 p. (In English)
30. Young G. *Power and the Sacred in Revolutionary Russia: Religious Activists in the Village*. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1997. 307 p. (In English)
31. Werth P. W. Orthodoxy as Ascription (and beyond). Religious identity on the Edges of the Orthodox Community, 1740–1917. *Orthodox Russia: belief and practice under the tsars*. Ed. by Valerie A. Kivelson and Robert H. Greene. Pennsylvania: The Pennsylvania State University. 2003. pp. 239–251. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Власова Виктория Владимировна, старший научный сотрудник сектора этнографии Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук ФБГУН Федерального исследовательского центра «Коми научный центр УрО РАН» (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26, каб. 501), кандидат исторических наук.
ORCID ID: 0000-0002-4934-4192
vv505@hotmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Vlasova Victoria Vladimirovna, Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS (167982, Russian Federation, the Komi Republic, Syktyvkar, Kommunisticheskaya st., 26), Candidate of Historical Sciences.
ORCID ID: 0000-0002-4934-4192
vv505@hotmail.com